

Д.Х.

В
О П Р О С Ы
И С Т О Р И И

502

9

МОСКВА·1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1963 г.

★
Год издания
XXXVIII

Вопросы ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. З. Дробижев, Ю. С. Кукушкин — Роль научно-популярной литературы в пропаганде исторических знаний о крестьянстве 3
- М. А. Вылцан — Материальное положение колхозников в довоенные годы 15
- Л. В. Черепнин — История в творчестве А. С. Пушкина 25
- И. С. Кон — Неопозитивизм и вопросы логики исторической науки 45
- Н. И. Лебедев — Империалистическая агрессия против Египта в 1956 году 66
- Рenate Вюнше (ГДР) — Проникновение германских монополий в Китай в период японо-китайского конфликта (1931—1933 гг.) 82

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР и научных советах

- Н. Б. Шеламанова — В археографической комиссии 95
- Научно-исследовательская работа в высшей школе
- С. Ф. Найда, Л. М. Папин — К 10-летию первой в стране вузовской кафедры истории советского общества 97

Обзоры и рецензии

- В. М. Устинов — Против фальсификации истории Средней Азии и Казахстана 100
- А. И. Зевелев — Р. Х. Аминова. Аграрная политика Советской власти в Узбекистане (1917—1920 гг.) 103
- Г. А. Арутюнов, О. К. Поселянина — Ц. П. Агаханян. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти 106
- Т. Елеуов — Х. Турсунов. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане 108
- М. И. Хейфец — Министерский дневник и деятельность в Отечественной войне 1812 года 114
- Б. Ф. Ливчак — В. Бабкин. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 114
- А. Г. Задера, А. П. Пронштейн — А. Г. Маньков. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века 116
- В. И. Попов — «Международные отношения после второй мировой войны». Т. I (1945—1949 гг.) 118
- М. С. Лазарев — Р. Г. Ланда. Национально-освободительное движение в Алжире (1939—1962 гг.) 122
- Б. Ф. Пичугин — «История профсоюзного движения за рубежом (с 60-х гг. XVIII века до 1939 года)» 123

Г. М. Лившиц — «История древней Греции»	125
Новые книги	127
Статьи в советских исторических журналах	129

Хроника научной жизни

А. М. Зорина — Встреча с Хулио ле Риверендом	134
В. Г. Вержбицкий — Юбилей Государственного исторического музея	135
Список докторских диссертаций, утвержденных в 1962 году	137
Хроникальные заметки	139

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры и рецензии

В. Б. Ушаков — Западногерманская буржуазная историография международных отношений послевоенного периода	143
Академик АН Молдавской ССР Я. С. Гросул, чл.-корр. АН Молдавской ССР Е. М. Руссев — Г. Безвикони. Исследование по истории румыно-русских отношений	149
В. С. Парсаданова — «Большая и малая политика Бека»	151
В. Г. Поляков — Ф. Шуман. Холодная война: ее прошлое и будущее	153
С. И. Королев — Я. Ромейн. Век Азии. История нового национализма в Азии	156
И. В. Чуркина — Б. Графенауэр. История словенского народа. Тт. I—V	158
Д. А. Авдусин — П. Соьер. Век викингов	163
С. И. Ульянова — М. Исакович. Экономическое и социальное лицо Аргентины	165

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	167
Б. А. Каменецкий — Обзор журнала: «The English Historical Review». London	168
Заметки о статьях: А. С. Гроссман — Историк ГДР о понятии «родина»; А. Д. Галкина — Об аграрной реформе в Чили; А. С. Кан — СССР и нейтральные государства в годы второй мировой войны; С. Л. Будкевич — Прогрессивные ученые в борьбе за мир; А. Б. Резников — Брань вместо критики; А. М. Филитов — Новые факты о колонизаторских планах кайзеровской Германии в Прибалтике в 1918 году; А. Я. Шельский — Западногерманские землячества — поборники идей реваншизма и войны; И. С. Кремер — По поводу одной полемики в прессе ФРГ; С. М. Аскольдова — Миф о «классовом сотрудничестве» в США; Н. А. Ерэфеев — Новые тенденции в изучении истории американской революции XVIII века; А. П. Каждан — Политическая борьба в Византии на рубеже XI и XII веков; Г. А. Кошеленко — Римская армия и римская религия	174
Рецензии на советские издания	187

Хроника научной жизни

К. Гронеvский (Польша) — Современная польская историография новой и новейшей истории	189
Хроникальные заметки	194

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

В. В. Душенькин — Боевая награда Родины (К 45-летию учреждения ордена Красного Знамени)	197
Л. С. Глязер — Из истории разработки законодательства о социальном обеспечении беднейшего крестьянства	202
В. Е. Шутой — Документы по истории СССР в Австрийском государственном архиве	208
А. Г. Кузьмин — Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева	214

Сведения об авторах, статьи которых опубликованы в номере журнала	219
Резюме статей на английском языке	220

ДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, СТАТЬИ КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ
В НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Д р о б и ж е в Владимир Зиновьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории СССР советского периода Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, автор ряда брошюр и статей по истории рабочего класса СССР и организации управления социалистической промышленностью.

К у к у ш к и н Юрий Степанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории СССР советского периода исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, автор монографии «Сельские Советы в социалистическом переустройстве деревни» и ряда брошюр статей по истории советского строительства и коллективизации сельского хозяйства.

В ы л ц а н Михаил Августович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Специалист по истории советского крестьянского и колхозного строительства. Автор монографии «Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933—1937 гг.)» и ряда статей.

Ч е р е п н и н Лев Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории СССР периода феодализма Института истории Академии наук СССР. Основные работы: «Русские феодальные архивы XIV—XVI вв.», ч. 1—2; «Русская палеография»; «Русская историография до XIX в.»; «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» и др.

К о н Игорь Семенович, доктор философских наук, профессор Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, специалист по проблемам методологии истории. Автор монографии «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» и ряда других трудов.

Л е б е д е в Николай Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истомеждународных отношений и внешней политики СССР Института международных отношений МИД СССР. Специалист в области истории международных отношений новейшего времени. Автор монографии «Румыния в годы второй мировой войны» и ряда других научных работ.

В ю н ш е Ренате, научный сотрудник Института всеобщей истории Германской демии политических и юридических наук имени В. Ульбрихта, специализируется в области истории Юго-Восточной Азии.

Игорь Семенович Кон

21.05.1928, Л., – 27.04.2011, М.

НЕОПОЗИТИВИЗМ И ВОПРОСЫ ЛОГИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Всесоюзное совещание историков, прошедшее в конце прошлого года, с особой остротой поставило вопрос о необходимости разработки теоретико-методологических проблем исторической науки и критики буржуазных идеалистических концепций в этой области. Чтобы эта работа была успешной, необходимо самое тесное сотрудничество историков и философов, которые, как это отмечалось на совещании, работают пока разобщенно.

Задачи философии по отношению к истории многообразны. Как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления, философия помогает историку теоретически понять структуру общественной жизни, выяснить соотношение в историческом процессе необходимости и случайности, объективных условий и сознательной деятельности исторических личностей (онтологический аспект); исследует специфику исторического познания и уясняет его место в общей системе научного знания (гносеологический аспект); вооружает историка правильным пониманием методов исторического исследования и их соотношения друг с другом (методологический аспект); анализирует логические формы и способы исторического объяснения (логический аспект).

В любой целостной концепции философии истории присутствуют, как правило, все эти аспекты. Однако соотношение их может быть различным. В исторической эволюции философии истории интерес к онтологической стороне, к динамике и структуре исторического процесса, появился значительно раньше, чем к другим аспектам проблемы. Хотя в философско-исторических построениях эпохи Просвещения ставились не только онтологические, но и гносеологические и логико-методологические вопросы¹, они занимали там подчиненное место и рассматривались попутно с другими вопросами. Это нужно сказать и о большинстве буржуазных философско-исторических концепций XIX века. Хотя интерес к вопросам теории исторического познания неуклонно возрастал, эти вопросы ставились преимущественно в рамках более общих философских систем; философы не столько исследовали логико-гносеологическую специфику реально существовавшей историографии, сколько конструировали некую идеальную историю, какой она должна была бы быть в свете данных философских постулатов.

В последние годы под прямым влиянием логического позитивизма положение изменилось. Если в прошлом в буржуазной философии истории преобладали работы общепhilosophического характера, ставившие вопрос о специфике исторического познания вообще, соотношении истории и современности и т. п., то в последние годы в центре ее внимания оказались вопросы логики исторического объяснения².

¹ Это, например, показано в книге Г. Шпет. История как проблема логики Критические и методологические исследования. Ч. I Материалы М. 1916.

² Характерно, например, что из 13 статей, опубликованных в первом томе международного журнала по философии истории «History and Theory», 9 статей посвящены, полностью или частично, логико-методологическим проблемам.

Философия, свидетельствует Пьетро Росси, не претендует больше, чтобы дать историческому исследованию какой-то образец и злую гарантию надежности, но занимается «изучением правил, сущих историографической работе, то есть либо анализом характера для исторического исследования объяснительной процедуры, либо анализом характерных особенностей историографического языка»³. Правда, эта тенденция, как уже отмечалось в рецензии на книгу Росси типична не для всей современной буржуазной философии истории, только для ее позитивистского крыла. Однако она довольно быстро развивается. С чем же связано это явление, почему логическая проблематика, в прошлом не занимавшая видного места в философии истории, теперь заслоняет многие другие проблемы? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется обратиться к истории.

В буржуазной философии второй половины XIX в. существовало две основные линии в отношении истории. Первая представлена позитивизмом, вторая — открыто идеалистическими философскими течениями (неокантианство, «философия жизни» и др.).

Позитивизм Конта — Спенсера — Милля, развиваясь в полемику с традициями романтической историографии, всячески подчеркивал существование научного знания и необходимость превращения истории в такую строгую науку, как естествознание. Критикуя примитивную описательность традиционной историографии, выступая против сведения исторического процесса к случайной деятельности «великих людей», доводя возможность и необходимость широких обобщений относительно общественной жизни, позитивизм XIX в. оказал определенное и значительное влияние на историческую науку того времени, способствуя переходу от описательно-повествовательной истории отдельных событий к изучению сложной эволюции социально-экономических процессов и отношений.

Однако, не говоря уже о несостоятельности их философских посылок⁴, позитивисты крайне упрощенно и неверно понимали приемы и задачи исторического познания.

В погоне за «вечными и неизменными» законами позитивисты абсолютизировали конкретное многообразие исторического процесса, подменяли историю абстрактной социологией. Здесь не могло быть и речи о понимании логической или гносеологической специфики исторической науки. Позитивисты рассматривали историю либо просто как складку «материала», который должна была обобщить социология, либо как «недоразвитую» науку, специфика которой объясняется именно ее неразвитостью.

Подобное отношение к исторической науке типично было и для большинства позднейших философов-позитивистов. В. И. Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме», что «позитивизм вообще и материализм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию, — и мало сравнительно обращали внимания на философию истории»⁵.

Пренебрежение к истории достигло своего апогея в логическом позитивизме членов так называемого Венского кружка, в состав которого в 1920-х и начале 1930-х годов входили М. Шлик, О. Нейрат, Р. Карнап и другие. Послав своей задачей создание единой «унифицированной науки», включающей как естественные, так и общественные науки, эти философы провозгласили единственной целью науки о

³ P. Rossi. Storia e storicismo nella filosofia contemporanea. Milano. 1960.

⁴ См. «Вопросы истории», 1962, № 9.

⁵ См. об этом подробнее И. С. Нарский. Очерки по истории позитивизма. М. 1960.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 316.

ние «непосредственно данного», а единственно возможной логической формой науки — ту форму, которую имеет современная физика («физикализм»). Единственным средством проверки (верификации) предположений науки Карнап и его единомышленники считали сопоставление соответствующих высказываний с непосредственным чувственным переживанием субъекта, к которому они относятся. Но историк в силу самой специфики предмета исследования не может сопоставить свои выводы с «непосредственным переживанием», он основывается на данных косвенного опыта, опыта других людей, который нельзя выразить в виде простого однозначного протокола. Отсюда неопозитивисты делали вывод, что история вообще не может быть наукой, а ее обобщения стоят вне альтернативы истинного и ложного. Исторические суждения — это не суждения факта, а оценочные суждения. Как замечает известный американский социолог-неопозитивист Джордж Ландберг, «в силу отбора, производимого при написании истории, большая часть исторического материала имеет сомнительную ценность для научных целей»⁷.

Начав с провозглашения принципа объективности научного познания, позитивизм заканчивает отрицанием истории как науки. Он не только игнорирует методологическую специфику истории, подчиняя ее абстрактной социологии, но и эту последнюю конструирует как неисторическую дисциплину.

Позитивистская концепция истории не могла не приходить в кричащее противоречие с практикой исторического исследования, и это вызвало многочисленные критические отклики. Однако в буржуазной философии второй половины XIX и начала XX в. тезис о специфичности исторического познания выдвигали преимущественно открыто идеалистические течения, для которых идея специфичности истории была прежде всего средством борьбы против детерминизма и материалистического понимания истории как естественноисторического процесса. Отсюда многообразные попытки под флагом уточнения «специфики» исторического познания вообще оторвать общественные науки от естествознания и дискредитировать применение в обществоведении научных методов. В. Дильтей выводит характерную для истории индивидуализацию явлений из онтологической противоположности духа и природы; специфику исторического познания он видит в том, что оно покоится не на причинном объяснении, а на интуитивном «понимании». Б. Кроче и Р. Д. Коллингвуд выводят особенности исторического знания из гегелевского понимания истории как истории духа. Неокантовцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт пытаются разграничить историю и естествознание, исходя из ее логико-методологических особенностей, из того, что истории, по их мнению, присущ особый индивидуализирующий способ образования понятий. Все эти концепции в силу их идеалистического характера абсолютизировали отдельные черты исторического познания, создавая искаженную общую картину⁸. В подобных работах методологическая специфика исторического исследования не выводилась путем анализа действительных методов, применяемых историками, а дедуцировалась из определенных общефилософских постулатов. Даже у Риккерта, которого на первый взгляд интересует исключительно методологическая сторона дела, методология и логика занимают подчиненное место по отношению к философии ценностей. В истории господствует идиографический метод, говорит Риккерт. Но это связано с тем, что в историческом развитии мы имеем дело с явлениями культуры, а эти последние представляют собой объективацию определенных ценностей. Сами же ценности надисторичны, поэтому критерии отбора историче-

⁷ G. Lundberg, *Social Research*. New York, 1942, p. 117.

⁸ См. по этому вопросу И. С. Кон, *Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли*. М., 1959.

ских фактов лежат вне самой истории, а методология истории предполагает философию ценностей. Риккерт сам подчеркивает, что он освещает не взаимоотношения действительного естествознания и действительной истории, а лишь разные пути образования понятия, ограничиваясь «главным образом установлением тех двух крайних полюсов научной деятельности, между которыми до известной степени расположены все эмпирические науки»⁹. Тем более верно это в отношении Дильтея, Кроче, Коллингвуда и других, у которых описание существующей историографической практики то и дело смешивается с высказываниями о том, какой должна быть историческая наука и чем она должна заниматься. Весь этот идеалистический «историзм» имел ярко выраженную антимарксистскую направленность.

Таким образом, ни свойственное старому позитивизму представление об истории как о дисциплине, подсобной социологии, ни идеалистические интерпретации специфики исторического познания не передают его действительной природы. Это признают сегодня не только марксисты, но и многие буржуазные ученые, прежде всего историки, которые не могут игнорировать практику исторического исследования.

Этот тупик, в котором оказалась идеалистическая философия истории, и побуждает буржуазных философов перестраиваться. Перенеся вопрос о природе исторического познания из сферы философии в сферу логики, они пытаются тем самым скрыть имманентный их концепциям идеализм и найти новые пути и средства борьбы против марксизма. Зачем ставить сложные, связанные с большой философской традицией вопросы о сущности исторического познания, основаниях его объективности и тому подобные, рассуждают сторонники «аналитического» направления в буржуазной философии. Не лучше ли ограничиться логическим анализом тех понятий и объяснительных приемов, которые действительно применяют историки? Не «предписывать», чем должна быть историческая наука, а «описывать» уже существующие формы исторического объяснения — вот как формулируют они задачи философии по отношению к истории¹⁰.

Что скрывается за этой тенденцией? Нельзя, конечно, отрицать, что критическое изучение логики исторического исследования, как она выступает в сочинениях профессиональных историков, может быть весьма полезным и позволяет глубже и конкретнее понять специфику исторического познания. Но одно дело — правомерность логического аспекта философии истории, и совсем другое дело — подмена философии логикой. Между тем именно это происходит у «логических аналитиков», воссражающих, что, оставив в стороне онтологическую и гносеологическую проблематику, они тем самым поднимаются «выше» противоположности материализма и идеализма. Это представление — лишь жалкая иллюзия. Спор о логике исторического объяснения нельзя вести, не уточнив, о чем, собственно, идет речь: об объяснении исторического процесса как целого или об объяснении отдельного единичного события. А решение этого вопроса уже предполагает наличие у ученого какой-то общей философско-исторической концепции. К тому же анализ логических операций, производимых историками, хотя и представляет определенный интерес, сам по себе не может быть решающим аргументом в философском споре, поскольку логика исторического объяснения отражает философские взгляды историка и не является одинаковой у разных авторов. Историк, который считает общественное развитие делом рук «великих людей», объясняет исторические события не так, как это делает, на-

⁹ Г. Риккерт. *Науки о природе и науки о культуре*. СПб. 1911, стр. 35.

¹⁰ См. «Theories of History». Ed. with introductions and commentary by P. Gardiner. Clarendon, 1959, p. 268. Более подробную критику философии логического анализа см. А. Ф. Бешашвили. *Метод анализа в современной буржуазной философии*. Тбилиси, 1960.

пример, сторонник географического детерминизма. Поэтому ссылка на «практику исторического объяснения» здесь мало что дает. Споры о логике исторического объяснения, по сути дела, продолжают в новой форме старые философские дискуссии о природе истории и исторического метода.

Логический анализ исторического исследования в принципе можно осуществлять с различных философских позиций. Однако исторически эта проблематика теснее всего связана с философией логического позитивизма, представители которого в 1940-х годах первыми попытались сконструировать логическую схему исторического объяснения. Эта схема, получившая название «теории охватывающего закона» (*covering law theory*), была разработана параллельно английским философом Карлом Поппером и американским философом Карлом Гемпелем, и потому она часто называется схемой Поппера — Гемпеля.

Поппер и Гемпель отказались от некоторых крайних положений, в частности от «физикализма» Венского кружка. Однако они считают, что логическая процедура причинного объяснения во всех науках, как естественных, так и общественных, должна быть одна и та же. В каждом причинном объяснении, пишет Поппер, обязательно имеются два элемента: с одной стороны, некий универсальный закон, а с другой — описание специфических условий протекания данного процесса, которые можно назвать исходными условиями. Например, мы можем сказать, что дали причинное объяснение разрыва нитки, если мы нашли, что эта нитка могла выдержать тяжесть весом в один фунт, а к ней подвесили предмет весом в два фунта. Анализируя это причинное объяснение, мы обнаружим в нем две различные составные части. Во-первых, известную гипотезу, имеющую характер универсального закона природы (в данном случае этот закон звучал бы примерно так: «Если известная нить подвергается растяжению, превышающему известное максимальное растяжение, характерное для этой определенной нити, то она порвется»). Во-вторых, некоторые специфические утверждения (исходные условия), описывающие интересующий нас особенный процесс (в данном случае мы можем получить два утверждения: «Характерная для этой нити максимальная нагрузка, при которой она может порваться, равняется одному фунту» и «Вес, подвешенный к этой нити, равнялся двум фунтам»).

Эти два различных вида суждений в своей совокупности дают нам полное причинное объяснение. Из универсального закона (1) мы можем с помощью исходных условий (2) вывести следующее специфическое заключение: «Эта нить порвется». Исходные условия (или, точнее, отраженная в них ситуация) обычно называются причиной события, о котором идет речь, а прогноз (или скорее, событие, которое мы описываем как прогноз) называется следствием. Например, мы можем сказать, что подвешивание тяжести в два фунта к нити, способной выдержать только один фунт, было причиной разрыва нити¹¹.

Эту схему причинного объяснения Гемпель в статье «Функция общих законов в истории», опубликованной впервые в 1942 г. и после этого вошедшей почти во все антологии по философии науки, распространил и на историю. Всякое научное объяснение, по Гемпелю, предполагает, что 1) объясняемое событие должно быть включено в класс однородных событий; 2) оно должно быть соотносено с каким-то общим законом, показывающим постоянную связь этой группы событий с другими группами событий, которые являются условиями совершения первых. В том случае, когда такой общей гипотезой является действительно всеобщий закон, объясняемое событие можно, зная его начальные усло-

¹¹ См. К. Р. Поппер. *The Open Society and its Enemies*. V. II. Rev. ed. London, 1952, p. 262. Приведенное рассуждение воспроизводит концепцию, сформулированную Поппером в его книге «*Logik der Forschung*». Wien, 1935.

вия, логически вывести из этого закона. Но в истории мы чаще всего имеем дело с расплывчатыми и лишь подразумеваемыми «законами», заимствованными из обыденного сознания, или с тенденциями, говорящими только о вероятности (а не о необходимости) процесса. Поэтому, заключает Гемпель, история в большинстве случаев дает нам не строгое объяснение, в смысле возможности дедуцировать событие из универсальных законов, но нечто вроде «объяснительного скетча». «Такой скетч состоит из более или менее расплывчатого указания на закон и начальные условия, которые рассматриваются как существенные, и чтобы превратить этот скетч в развернутое объяснение, необходимо его «наполнить». Это наполнение требует дальнейшего эмпирического исследования, направление которого указывает скетч»¹².

Развернутое обоснование этой концепции дал Поппер в своих книгах «Нищета историзма» и «Открытое общество и его враги». Конечно, говорит Поппер, в историческом исследовании, как и во всяком другом, описание фактов уже предполагает наличие какой-то теоретической точки зрения, а объяснение невозможно без использования каких-то «универсальных законов». Однако, подчеркивает он, «в физике «точка зрения» обычно дается физической теорией, которую можно проверить путем открытия новых фактов»¹³. В истории же дело обстоит иначе. Законы, существование которых историк молчаливо предполагает, настолько тривиальны, что сами по себе они не представляют практически никакого интереса и не могут внести определенную систему в предмет исследования.

Между тем обойтись без такой «точки зрения», выражающей направленность его интересов, историк не может. Отсюда, полагает Поппер, различные «интерпретации» истории, в свете которых историческое развитие выступает как продукт деятельности великих людей, то как результат экономических процессов, то как следствие изменений в религиозных чувствах. Но эти общие «интерпретации» принципиально отличны от научных теорий, потому что они не имеют эмпирического характера. Факты, которыми пользуется историк, ограничены, и их нельзя воспроизвести по нашему желанию. К тому же сами эти факты были собраны в соответствии с определенной предвзятой точкой зрения. И поскольку других фактов нет, никакая историческая теория, как правило, не может быть проверена. Отсюда — неизбежная множественность «интерпретаций» и отсутствие в истории объективной истины.

Правда, Поппер оговаривается, что не все исторические интерпретации одинаково ценны, что одни из них лучше объясняют факты, другие — хуже. Поэтому даже в области исторической интерпретации возможен «довольно значительный прогресс»¹⁴. Но научной теории исторического развития быть не может, и история всегда будет переписываться, поскольку каждое новое поколение ставит перед ней новые вопросы. Короче говоря, не может быть истории «прошлого, каким оно на самом деле было»; могут быть только разные исторические интерпретации, причем ни одна из них не является окончательной и каждое поколение имеет право создавать свою собственную интерпретацию¹⁵.

Рассматриваемая просто как логическая схема, теория «охватывающего закона» имеет, казалось бы, некоторые сильные стороны. Она подчеркивает наличие внутренней связи между описанием и объяснением, выявляет, что в любом, даже самом «индивидуальном» историческом объяснении имеются какие-то скрытые, подразумеваемые обобщения. Тем самым она привлекает внимание к изучению понятийного аппарата

¹² С. С. Hempel. The Function of General Laws in History. «Theories of History», p. 351

¹³ К. Popper Op cit. Vol II, p. 261.

¹⁴ Ibid., p. 266

¹⁵ Ibid., p. 268

исторического мышления, к анализу тех обобщений, которыми, осознанно или неосознанно, пользуется историк. Историческое объяснение рассматривается в ней в свете общей логики научного объяснения, хотя выводы того же Поппера оказываются по отношению к истории скорее негативными. Некоторые сторонники теории «охватывающего закона» (например, Гемпель) резко выступают против интуитивизма и иррационализма в теории исторического познания.

Однако эти достоинства являются в значительной мере кажущимися. Теория «охватывающего закона» не просто логическая схема; она покоится на определенных философских предпосылках, и именно несостоятельность этих предпосылок делает ее ошибочной, неприменимой ни к историческому, ни к общенаучному познанию.

Первым и коренным пороком схемы является субъективно-идеалистическое истолкование категорий, лежащих в основе научного объяснения. Поппер и Гемпель признают, что объяснить явление — значит раскрыть его причины или вывести его из какого-то общего закона. Но сами категории причины и закона они трактуют, вслед за Юмом, не как выражение необходимой связи, объективно существующей между явлениями, а как простую логическую конструкцию. Поппер оперирует не подлинными научными законами, а простыми общими суждениями, часто стоящими на уровне трюизмов. Научное объяснение в общественной жизни, как и в природе, требует, по Попперу, соотнесения объясняемого явления с каким-либо общим законом. Но в то же время он категорически отрицает наличие в общественной жизни какой бы то ни было детерминированности. «Будущее зависит от нас самих, а мы не зависим ни от какой исторической необходимости»¹⁶ — вот его основной тезис. На этом он основывает и свои возражения против «историзма», признающего возможность научного предвидения в общественной жизни, и свой тезис о невозможности теории истории. Применение «логики научного объяснения» к истории приводит Поппера лишь к выводу, что история не является и не может быть наукой.

Субъективистская трактовка понятия научного закона дополняется у теоретиков «охватывающего закона» весьма упрощенным пониманием природы научных обобщений вообще. Феноменализм, лежащий в основе позитивистской философии науки, рассматривает мир как совокупность совершенно равноценных явлений, за которыми нет никаких сущностей. Поэтому, говоря о роли обобщения в историческом исследовании, неопозитивисты имеют в виду не такое обобщение, до которого теоретическое мышление возвышается в результате раскрытия сущности изучаемого процесса, а лишь элементарное эмпирическое обобщение, осуществляемое путем сравнения различных предметов и явлений и выделения их сходных и различных признаков.

Но такое эмпирическое обобщение, будучи необходимым, явно недостаточно для целей научного исследования. Уяснение общего в явлениях путем сравнения еще не говорит нам, насколько существенно это общее. Это общее может быть и совокупностью внешних признаков. Задача же науки состоит именно в выделении существенного, необходимого, в раскрытии внутренней структуры процесса. Это достигается не только установлением эмпирических зависимостей между наблюдаемыми фактами, но и образованием новых научных абстракций, которые не даны непосредственно в наблюдении и не являются простой комбинацией эмпирических данных¹⁷. Эмпирическое обобщение статистических данных о колебаниях цен не подводит ученого само по себе к закону стоимости.

¹⁶ Ibid, Vol I, p 3.

¹⁷ См. И. В. Таванец, В. С. Швырев. Некоторые проблемы логики научного познания. «Вопросы философии», 1962, № 10, стр. 17.

Останавливаясь на стадии простого эмпирического обобщения, не проникая в сущность явлений, ученый не может пойти дальше более или менее формальной классификации явлений, а это, в свою очередь, служит подкреплением ходячих представлений о «малой содержательности» исторических абстракций, на которой играют защитники «идиографизма». Не случайно сам Поппер, признавая неизбежность использования историком для объяснения фактов каких-то «охватывающих законов», вместе с тем подчеркивает, что, с его точки зрения, «не может быть исторических законов. Обобщение просто принадлежит к другому кругу интересов, который должен быть строго ограничен от интереса к специфическим событиям и их причинному объяснению, составляющему дело истории»¹⁸. Это сближает его точку зрения с идиографизмом баденской школы немецкого неокантианства, и Поппер прямо ссылается в этой связи на Макса Вебера, видя у него «самое близкое предвосхищение» собственных взглядов¹⁹, хотя он и не согласен с веберовской концепцией причинности (Вебер вслед за Риккертом утверждал, что индивидуальное причинное объяснение вообще обходится без всеобщих законов).

Еще более характерно духовное родство Поппера с Ф. фон Хайеком. Поппер неоднократно ссылается на Хайека и даже подчеркивает, что без его помощи «Открытое общество и его враги» не появилось бы²⁰. Но Хайек — откровенный иррационалист. Его книга «Контрреволюция науки», направленная против «объективизма», «методологического коллективизма» и «историзма», содержит в себе целую программу ниспровержения научных методов в обществоведении. Он прямо осуждает «сциентизм». А когда доходит до «историзма», Хайек замечает: «Я мало что могу добавить к мастерскому анализу этого историзма, сделанному моим другом Карлом Поппером, ...за исключением того, что, на мой взгляд, ответственность за него в такой же степени, как на Платоне и Гегеле, лежит на Конте и позитивизме»²¹.

Неверное понимание природы закона и научного обобщения порождает ошибки и в теории научного объяснения. Схема Поппера — Гемпеля ошибочна не потому, что она переносит на историю тот тип причинного объяснения, который господствует в естествознании (именно в этом их чаще всего упрекают защитники идиографизма и интуитивизма), а потому, что она неверно моделирует само это общенаучное объяснение. Поппер и Гемпель ошибочно считают, что научное объяснение — это простая дедуция особенного явления из общего закона с помощью единичных условий. Но дело обстоит гораздо сложнее²². Не только в истории, но даже в простейших явлениях природы единичное явление невозможно вывести во всем его многообразии из какого-либо общего закона. Каждое явление, каждый факт имеет множество сторон и отношений, и чтобы объяснить его, нужно использовать не один, а целую совокупность законов, каждый из которых объясняет нам какую-то сторону изучаемого явления. В свою очередь, теоретические положения проверяются не сами по себе, путем непосредственного соотношения изолированного положения с эмпирическими данными, а в составе целостной теоретической системы.

Из закона стоимости нельзя логически дедуцировать сегодняшние цены на яблоки на том или ином сельском рынке; никакой общий закон не может охватить все эмпирические условия. Но закон этот объясняет сущность ценообразования, и в этом смысле он необходим для понимания процесса обмена. Закон неравномерности экономического

¹⁸ К Поппер. *Op. cit.* Vol. II, p. 264.

¹⁹ *Ibid.*, p. 364.

²⁰ *Ibid.* Vol. I, p. XI.

²¹ F. A. Hayek, *The Counter-Revolution of Science* Glencoe. 1952, p. 199.

²² См. М. Бунге. Причинность. М. 1962, стр. 328—329.

и политического развития в эпоху империализма сам по себе не дает полного объяснения возникновения первой мировой войны; нужно учесть еще многообразные конкретные условия событий. Но этот закон объясняет общие причины возникновения войн в эпоху империализма.

Объяснение специфического события оказывается, таким образом, более сложным и многогранным процессом, чем это представляется в свете теории «охватывающего закона», и функция общих законов здесь сложнее, чем роль большой посылки в силлогизме. Хотя схема «объяснения через закон», выработанная Поппером и Гемпелем, принята, с теми или иными отклонениями, многими англо-американскими философами²³, она подвергается все более острой критике. Как признает один из защитников этой теории, П. Гардинер, в последние годы большинство философов «аналитического» направления подчеркивают специфические особенности истории, не пытаясь уложить историческое исследование в рамки общей логики научного познания, выработанной на материале естественных наук²⁴. Используя разработанные неопозитивизмом методы логико-лингвистического анализа, эти авторы в то же время отвергают тезис о тождестве логической природы исторического и естественнонаучного объяснения и реабилитируют многие положения и методы, отвергавшиеся их старшими коллегами.

Первый значительный шаг в этом направлении сделал упоминавшийся выше оксфордский философ П. Гардинер в своей книге «Природа исторического объяснения»²⁵. Поставив своей целью проанализировать с помощью семантических методов логику исторического объяснения, Гардинер принимает в целом модель причинного объяснения Поппера — Гемпеля. Однако применительно к истории, указывает он (и это одно из основных его положений), эта схема явилась несколько искусственной и упрощенной.

«Научное объяснение», подчеркивает оксфордский философ, не является единственной формой причинного объяснения. Кроме науки, существует еще житейский «здоровый смысл». Когда обыденное сознание говорит, что воспаление легких было вызвано тем, что человек слишком долго стоял на морозе, а медицинская наука утверждает, что воспаление легких вызвано такими факторами, как наличие пневмококков и физическое предрасположение пациента, то нельзя сказать, что одно из этих причинных объяснений верно, а другое ошибочно. «Здесь нет конфликта, просто слово «причина» по-разному используется в различных случаях»²⁶. Обыденное сознание, конечно, не обладает точностью науки. Оно руководствуется не теоретическими, а практическими соображениями. Так, спичка выступает в качестве причины огня, хотя, разумеется, она может вызвать огонь лишь при наличии известных условий. Но как научное, так и простое, житейское объяснение явлений необходимы.

Характеризуя свое понимание природы исторического объяснения, Гардинер борется на два фронта. С одной стороны, он отвергает взгляд на историю как на науку. С другой стороны, он критикует концепцию «автономии истории» Кроче и Коллингвуда, выводящую методологические особенности исторического исследования из онтологического противопоставления мира истории — миру природы. В критике как абстрактного идеалистического социологизма, так и фактографии эмпи-

²³ См. F. Kaufmann. *Methodology of the Social Sciences*. New York, 1944; M. White. *Historical Explanation. «Theories of History»*, p. 356—372; E. Nagel. *Some Issues in the Logic of Historical Analysis. «Theories of History»*, p. 373—384; J. Pitt. *Generalizations in Historical Explanation. «The Journal of Philosophy»*. Vol. LVI, № 13, June 18, 1959, pp. 578—586; Q. Gibson. *The Logic of Social Inquiry*. London, 1960; C. B. Joynt and N. Rescher. *The Problem of Uniqueness in History. «History and Theory»*. Vol. I, № 2, p. 150—162.

²⁴ «Theories of History», p. 273.

²⁵ P. Gardiner. *The Nature of Historical Explanation*, Oxford, 1952.

²⁶ *Ibid.*, p. 11.

рической историографии Гардинер высказывает немало справедливых и интересных мыслей

Гардинер ищет разрешения старых антиномий исторической мысли на пути семантического анализа. Проанализируем значение исторических терминов, и все станет ясно — вот его метод. Все дело в том, говорит он, что понимать под историческим объяснением. Оно может быть двоякого рода: в одних случаях историк объясняет событие при помощи известных общих законов; это будет объяснение в терминах «причин» и «следствий». В других случаях он объясняет события, руководствуясь «логикой ситуации», «в терминах того, что было бы разумно предпринять в таких-то и таких-то обстоятельствах, имея в виду такие-то и такие-то цели»; это будет объяснение в терминах «намерений» и «планов»²⁷. Оба эти вида объяснений равноправны. Не существует противоречия между утверждением: «Германия развязала войну в 1914 г., потому что ее правительство считало выгодным начать войну раньше, чем будут готовы ее противники», и утверждением, что «причиной первой мировой войны было обострение внутренних противоречий мировой капиталистической системы». Противоречие между пониманием истории как науки и сведением ее к описанию единичного обусловлено, по мнению Гардинера, только неясностью исторической терминологии. «Мир един, но средства, с помощью которых мы говорим о нем, различны. И тот факт, что в одних случаях мы предпочитаем описывать его так, а не иначе, зависит от наших целей»²⁸.

Гардинер не отрицает того, что историк пользуется общими понятиями, но он пытается установить принципиальное отличие «исторических обобщений» от научных понятий.

Кроме принятого схемой Поппера — Гемпеля объяснения через закон, историк, по Гардинеру, широко пользуется субъективным, так называемым «объяснением через мотив». Как сыщик, пытаясь раскрыть совершенное преступление, мысленно ставит себя на место предполагаемого преступника, так и историк, желая понять мотивы того или иного исторического деятеля, неизбежно прибегает к помощи воображения: представив себе возможности, существовавшие в изучаемой ситуации, он стремится понять, почему интересующий нас деятель поступил именно так, а не иначе. Признавая правомерность этой мыслительной операции, Гардинер правильно критикует ее идеалистическую интерпретацию, согласно которой «такое понимание рассматривается как равнозначное тому, чтобы стать лицом, действия которого объясняются этим способом. Ибо мы можем спорить о таких интерпретациях: мы можем сказать, что они убедительны, правдоподобны, натянуты или абсурдны»²⁹. Аргументы, которыми мы при этом пользуемся, опираются либо на собственный наш опыт, либо на известный опыт других людей, и, следовательно, в этом процессе «понимания» нет ничего таинственного.

Но, отвергая «крайности» идеализма, Гардинер вслед за Г. Райлом³⁰ утверждает, что объяснение человеческих действий «в терминах мыслей, желаний и планов» принципиально отлично от объяснения тех же действий «в терминах реакции на среду» и независимо от последнего³¹. «Нам должно быть теперь ясно, — пишет он, — что конфликт, который, как полагают, существует между материалистической и идеалистической интерпретациями истории, является иллюзорным»³². Гардинер пытается свести принципиальную противоположность материализма и идеализма всего лишь к различному использованию слова «объяснять».

²⁷ Ibid, p. 50.

²⁸ Ibid, p. 61.

²⁹ Ibid, p. 132.

³⁰ См. G. Ryle. The Concept of Mind. London. 1949, p. 113.

³¹ P. Gardiner Op. cit., p. 139.

³² Ibid, p. 136.

По сути дела, Гардинер восстанавливает в правах старую дильте-евскую дихотомию «объяснения» и «понимания», перенеся ее только из сферы метафизики и онтологии в область логики. Эта тенденция в высшей степени характерна. Если Гардинер, хотя и с оговорками, еще придерживается теории Поппера — Гемпеля, согласно которой в историческом объяснении имеется какой-то «подразумеваемый закон»³³, то большинство современных англо-американских философов, занимающихся вопросами логики исторического познания, вообще отбрасывает эту схему, все больше сближаясь с «идиографическими» теориями³⁴.

Развернутую критику теории исторического объяснения Поппера — Гемпеля дал в своей книге «Законы и объяснение в истории» канадский философ (профессор университета в Торонто) Уильям Дрэй.

Дрэй указывает, что схема Поппера — Гемпеля не соответствует действительной структуре исторического объяснения. Когда Гардинер признает, что, кроме «объяснения через закон», возможно еще «объяснение через цель», то тем самым уже отвергается универсальность позитивистской схемы. Позитивисты рассматривают объяснение как формально-логическую процедуру, но в действительности оно является прагматическим и означает для разных людей в разное время совершенно разное. В исторических исследованиях встречаются самые разнообразные, с логической точки зрения, формы объяснений.

Подразумеваемые «охватывающие законы», на которых пытаются основать историческое объяснение Поппер и Гемпель, не только тривиальны, но и крайне неопределенны. Историческое объяснение «Людвиг XIV умер непопулярным, так как он проводил политику, не отвечающую национальным интересам Франции», опирается, по мнению позитивистов, на подразумеваемый «закон», что «правители, игнорирующие интересы своих подданных, становятся непопулярными». Но ведь так бывает не всегда. Следовательно, чтобы обосновать это суждение, надо идти к другому, более общему закону. В итоге получается, что «если предлагаемый закон (candidate law) уходит слишком далеко в общие места, он теряет свой методологический интерес; если же он спускается из стратосферы, становится возможным отрицать его, не меняя объяснения»³⁵. Таким образом, между постулируемым общим законом и историческим объяснением отсутствует необходимая логическая связь, и сторонник теории «охватывающего закона» оказывается перед дилеммой: «Если он ослабит связь между законом и объяснением, то закон, о котором говорится, что он дает силу объяснению, логически не требуется. Если же он ослабит самый закон, то становится спорным, действительно ли то, что требуется логикой, имеет объяснительную силу»³⁶.

Позитивисты считают, что событие можно считать объясненным только в том случае, если оно подведено под общее правило. Но чтобы объяснить, почему данный средневековый рыцарь был кривоногим, не требуется, чтобы все рыцари были кривоногими. Равным образом, простое знание того, что все средневековые рыцари были кривоногими, не объясняет, почему были кривые ноги у сэра Брайана³⁷. Причинное объяснение отдельного события вполне возможно без применения закона, «Грязь вызывает болезни» — причинное суждение. Но слово «грязь», само по себе ясное, не содержит в себе никакой теории³⁸. Вообще исто-

³³ Под влиянием критики и сам Гардинер признает, что доктрина «охватывающего закона» слишком неопределенна и не учитывает многообразия историографической практики («Theories of History», p. 271).

³⁴ См., например, W. H. Walsh. Philosophy of History. An Introduction. New York 1960.

³⁵ W. Dray. Laws and Explanation in History Oxford 1960, p. 29.

³⁶ Ibid, pp 31—32.

³⁷ Ibid, p 62.

³⁸ Ibid, p. 91.

рика интересует не закон, не общие свойства класса явлений, а данное явление как таковое. «Он не спрашивает себя: «Что вообще причиняет явление типа Y?»; он спрашивает: В чем причина этого Y?, и спрашивает это относительно Y, находящегося в определенной ситуации»³⁹. Для историка простая констатация происшествия по форме «это было то-то и то-то» уже есть объяснение, даже не вдаваясь в вопросы «почему» и «как»⁴⁰.

Дрэй, таким образом, оставаясь в рамках логики и методологии, фактически обосновывает «индивидуализирующий метод» баденской школы неокантианства, хотя он нигде не упоминает ни Риккерта, ни Вебера. Вслед за тем, опираясь на Оукшотта и Коллингвуда, он в значительной степени реабилитирует философско-исторический интуитивизм.

Что можно сказать по поводу этой тенденции? Противники теории «охватывающего закона» правильно вскрыли ее метафизичность и ограниченность. Пытаясь не столько конструировать идеальную логику науки, сколько анализировать действительные методы объяснения, применяемые историками, они выявили здесь более сложную картину, чем та, которая представлялась отвлеченному философскому мышлению. Но в целом позиции этой группы авторов глубоко консервативны.

Прежде всего обратим внимание на общее направление эволюции неопозитивистской концепции исторического познания.

Философы-неопозитивисты с самого начала рассматривали логику и методологию науки в отрыве от ее предметного содержания. Это приводило, с одной стороны, к субъективизму, а с другой — к грубому механицизму и натурализму, игнорировавшему различие в предметной, а отсюда и в методологической структуре естественных и общественных наук. Но теорию исторического познания нельзя построить в отрыве от теории исторического развития. Поппер говорит о законе как необходимом логическом элементе исторического объяснения, но он категорически отрицает существование объективных законов общественного развития. Это приводит его к релятивизму и отрицанию возможности создать научную теорию исторического процесса. Но если в историческом процессе нет объективных законов, если научное обобщение исторического опыта невозможно, то «историческое объяснение» сводится практически к объяснению отдельных единичных событий, рассматриваемых в их случайности и единичности. А такое объяснение может быть и прагматическим, не нуждаясь в общих законах. Гардинер поэтому суживает сферу «причинного объяснения» (понимаемого в духе теории Поппера) и подчеркивает самостоятельное значение «объяснения через мотив». Другие авторы, в частности Дрэй, идут еще дальше, вовсе отбрасывая теорию «охватывающего закона».

Собственно говоря, Дрэй уже не является неопозитивистом в полном смысле этого слова. Он заимствует у позитивистов только самый метод логического анализа, по содержанию же его теория является скорее логическим эквивалентом откровенно идеалистических концепций исторического познания (неокантианского идиографизма, дильеевского «понимания» и т. д.). Давно скомпрометированные идеалистические постулаты предстают теперь в виде «нейтральных» выводов «логического анализа», а борьба против понимания истории как естественноисторического процесса переносится из сферы онтологии в сферу логики. Гардинер прямо пишет, что развитие этого направления исследований существенно «для оценки теорий истории, вроде марксистской, в которых важное место занимает идея, что существуют главные детерминанты исторического изменения», и которые пытаются вскрыть «внутренние ме-

³⁹ Ibid, pp 103—104.

⁴⁰ См. W. Dray. «Explaining What» in History. «Theories of History», p. 403.

ханизмы» (workings) исторического процесса»⁴¹. Так выясняется, что «нейтральный» логический анализ имеет совершенно определенную идеологическую направленность, подкрепляя «теоретический» антимарксизм. В борьбе с марксизмом и Карл Поппер и его противники — оксфордские аналитики — вполне единодушны.

«Логические аналитики» изображают себя единственными представителями «научного эмпиризма», а всякий иной подход к проблеме истории третируют как «спекулятивный». Но такое противопоставление ни на чем не основано. Развитие общества как в целом, так и в частности представляет собой исторический процесс. Эмпирическое исследование должно быть поэтому в первую очередь исследованием этого исторического процесса. Анализ языка исторических сочинений с точки зрения формальной логики не может заменить собой диалектический анализ исторической действительности. То, что «лингвистические философы», и в частности оксфордские аналитики, за проблемами языка исторических сочинений не видят проблем исторической действительности, мешает им правильно решить даже поставленные ими самими вопросы. В рецензии на сборник «Theories of History» Ганс Мейерхоф совершенно правильно замечает, что «допущение, согласно которому язык истории можно анализировать в отрыве от исторической действительности», само является метафизическим и не выдерживает критики⁴². «Логическая» структура языка и формы исторического объяснения сами глубоко историчны. Если в XVIII в. историю писали иначе, чем сейчас, то это объясняется особенностями исторического развития. В зависимости от характера запросов данного общества, класса меняется предмет исследования, а также смысл употребляемых понятий и форм исторического объяснения. Следовательно, нельзя не только подменять исторические проблемы логико-лингвистическими, но и решать вторые независимо от первых.

Как справедливо заметил итальянский философ Паоло Росси по поводу концепции Гардинера, такой подход «рискует превратить возможность сотрудничества между историком и методологом в пассивную регистрацию последним языковых выражений, употребляемых историком»⁴³. И дело не только и не столько в «пассивности» философа, сколько в том, что он принимает за норму объяснительные методы идеалистической историографии.

Дрэй, например, опирается на опыт известных английских историков Г. Баттерфилда и Д. Тревельяна. Но эти историки и не скрывают своих идеалистических взглядов. Заранее ясно, что «логический анализ» их трудов приведет к выводу, что в «историческом объяснении» преобладают ссылки на индивидуальные обстоятельства и идейные влияния, а не на «объективные законы». Но этот анализ в своей описательной части будет справедлив только для историков этого направления. Из него нельзя вывести общие нормы исторической логики. Между тем Дрэй рассматривает это течение как наиболее типичное. «Предписания» прятается, таким образом, за псевдообъективным «описанием».

Но оставим пока философскую сторону дела и посмотрим, насколько убедителен даваемый Дрэем логический анализ исторического объяснения.

Первое, что обращает на себя внимание, — это тенденция подменить научное объяснение описанием фактов. Дэнто прямо пишет, что научная история ничем, в сущности, не отличается от обычной хроники, что уже простое описание исторических фактов содержит в себе их объяснение.

⁴¹ «The Theories of History», p. 272.

⁴² «History and Theory». Vol. I. № 1, p. 96.

⁴³ Paolo Rossi. La natura della spiegazione storiografica nel pensiero di P. Gardiner. «Rivista critica di storia della filosofia» an X, fasc. 2, marzo-aprile 1955, p. 179.

Это совершенно неверно как по отношению к науке вообще, так и по отношению к исторической науке в частности.

Несомненно, что уже научное описание процесса включает в себя известный теоретический момент. Ученый не просто фиксирует поток впечатлений, а выделяет интересующие его в связи с поставленной им научной задачей специфические процессы, обобщает их в форме принятых в науке понятий и т. п. Однако даже в таких науках, где аппарат понятий разработан гораздо лучше, чем в истории, и где вследствие этого само описание является более строгим, оно никоим образом не заменяет объяснения⁴⁴. Прежде всего описание не выходит за рамки фиксации экспериментально установленных фактов или их совокупностей в том виде, как они даны в опыте. Во-вторых, хотя описание обычно производится по определенной системе, оно не ставит своей непосредственной задачей исследование необходимых, существенных, закономерных связей между явлениями, а изображает их как рядоположенные. Поэтому непосредственно из описания невозможно вывести научное предсказание.

Если так обстоит дело в точных науках, то тем более это верно для истории. Историческое описание в своей элементарной форме — это прежде всего установление следования событий во времени. Но повстаная хронологическая связь событий еще ничего не объясняет. Повествование типа «28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию. 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа — Франции. Британская декларация о войне последовала 14 августа 1914 г.», конечно, уже содержит в себе некоторое обобщение, поскольку оно фиксирует последовательность втягивания в войну отдельных государств. Но оно совершенно не раскрывает внутренней связи этих событий, не говоря уже об их сущности⁴⁵.

Объяснить факт — значит раскрыть его сущность, установить внутреннюю связь между объясняемым фактом и другими фактами и положениями науки, истинность которых уже доказана.

Сторонники «охватывающего закона» знают только один тип научного объяснения — «объяснение через закон». Их противники убедительно показали, что в истории этот тип объяснения не является преобладающим. Но из этого они сделали вывод, что историю вообще нельзя считать наукой, что она имеет не только собственную гносеологию, но и собственную логику.

Логические типы исторического объяснения действительно весьма многообразны. Кроме объяснения через закон, о котором говорят Полпер и Гемпель, и «объяснения через мотив», о котором пишет Гардинер, есть еще целый ряд объяснительных приемов: аналогия, причинное объяснение без отсылки к общему закону, функциональное объяснение и т. п. Однако они далеко не равноценны. Говорить об историческом объяснении вообще, без учета конкретного объекта объяснения бессмысленно. Разные виды объяснений соответствуют различным сторонам изучаемых процессов и потому имеют разный «удельный вес». Как объясняет историк тот или иной процесс, зависит прежде всего от того, что именно он хочет объяснить.

Возьмем древнейшую и элементарнейшую форму исторического объяснения — «объяснение через мотив». Поскольку историю общества делают люди, оларенные сознанием, преследующие определенные цели, историческая наука не может отвлечься от этой стороны дела. Зачем Бисмарк вводил свои «исключительные законы»? Он хотел подавить социал-демократическое движение. Почему Бонапарт поспешно вернулся

⁴⁴ См. Е. П. Никитин. Природа научного объяснения и современный позитивизм. «Вопросы философии», 1962, № 8, стр. 96—107.

⁴⁵ С. В. Joint and N. Rescher, Op. cit. «History and Theory», Vol. 1, № 2, p. 160.

из египетской экспедиции во Францию? Потому что он хотел разогнать Директорию и взять власть в свои руки. Объяснения подобного типа постоянно встречаются в исторических сочинениях, в том числе в марксистских, они вполне правомерны. Но что является здесь объектом объяснения? Только субъективные побудительные силы исторических персонажей. Когда таким способом пытаются объяснить что-то большее, скажем, целостный исторический процесс или даже отдельное событие, этот способ объяснения оказывается недостаточным. Ссылка на властолюбие Бонапарта может быть достаточной для объяснения его поведения. Но чтобы объяснить 18 брюмера, этого уже мало. Тут нужно учитывать не только мотивы действующих лиц, но и объективную логику классовых отношений в данный момент.

Как писал Энгельс, «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел»⁴⁶.

Попытка распространить «объяснение через мотив» на более широкую сферу неизбежно порождает путаницу. Именно так происходит у Дрэя. Он понимает, что нельзя объяснить сложное историческое событие непосредственно субъективными мотивами какого-либо одного человека. Однако, по его мнению, сложное событие можно объяснить сочетанием сознательных целей множества участвовавших в ней индивидов. Так например, «историческое объяснение распространения европейской цивилизации на Америку... будет включать в себя подробное исследование главным образом с точки зрения осознанных целей (in rational terms), действий и мотивов бесчисленных индивидов и групп: французских иезуитов и английских пуритан, Колумба, Кольбера, Рэли и Филиппа II, торговцев пушниной, исследователей, золотоискателей, изголодавшихся по земле крестьян и множества других». Все это вместе и даст объяснение целостного явления. Что же касается объяснения того же явления с помощью «теории исторического процесса», то, по словам Дрэя, «это было бы нехарактерно для обычной историографии. И я не вижу причины клеймить более характерное явление как менее «глубокое»⁴⁷.

Что можно сказать о таком рассуждении? Во-первых, если ставить объяснение важного исторического события в зависимость от понимания нами сознательных целей всех или хотя бы большинства его участников, то нельзя не прийти к довольно пессимистическим выводам о познаваемости исторического прошлого, поскольку этих участников было очень много и о мотивах многих из них мы можем только догадываться. Во-вторых, даже исчерпывающее знание целей и стремлений исторических деятелей не объясняет нам, почему одни из них восторжествовали, а другие потерпели поражение и чем обусловлен конечный результат, который, как правило, не совпадает ни с одним индивидуальным планом. В-третьих, надлежит выяснить, чем были обусловлены сами эти цели, стремления и т. п. Сделать все это можно только на основе какой-то «теории исторического процесса», которая за морем случайного и единичного видит определенную закономерность.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1948, стр. 423.

⁴⁷ W. D. Gray. Laws and Explanation in History, p. 142.

«Объяснение через мотив» необходимо, таким образом, для понимания субъективных целей и намерений исторических деятелей, участников исторических событий. Но оно не имеет научно-аналитического характера и не может использоваться для объяснения целостных исторических событий и процессов.

Существенную роль в историческом познании играет аналогия. Сталкиваясь с многообразными историческими явлениями, историк должен классифицировать их, выделить путем сравнения их общие специфические черты. В этом отношении уже простая аналогия обладает определенной объяснительной силой. В сущности, аналогия — это простейшая форма исторического обобщения, и все «уроки истории», о которых говорила прагматическая история XVIII — начала XIX в., не что иное, как исторические аналогии. Уже простое сопоставление изучаемого события и явления с другими событиями или явлениями того же рода многое дает для его познания. Археолог, обнаруживший холм, по форме напоминающий известные ему скифские могильники, вправе предположить, что и в данном случае он имеет дело с могильником. Ссылка на прецедент, на аналогичные ситуации, встречавшиеся в прошлом, часто используется и для объяснения исторических событий. Так, например, история подготовки и установления фашистской диктатуры в Германии позволяет многое понять в нынешней обстановке в ФРГ, с характерными для нее подавлением демократии, милитаризацией и т. п. Конечно, простое умозаключение от одного частного явления к другому логически неправомерно. Но историческое познание кумулятивно. Если мы видели много подобных явлений, то отнесение данного явления к тому же типу будет не произвольным, а имеет всю объяснительную силу, характерную для неполной индукции вообще.

Однако здесь необходима осторожность. Внешнее сходство обманчиво. Керамика из археологических раскопок имеет много общего с современными предметами искусства и быта, но на основании этого сходства трудно сделать ценные исторические выводы. Опасность увлечения аналогиями, оторванными от конкретной истории, ярко демонстрирует «Исследование истории» А. Тойнби, который по чисто внешним признакам сопоставляет такие принципиально различные явления, как восстание Махди в Судане в конце XIX в. и восстание Маккавеев в древней Иудее, деятельность Петра I и деятельность фараона Эхнатона и т. п. Любая аналогия будет ценной и правомерной только в том случае, если строго определены ее границы: в каких условиях и в каких отношениях можно рассматривать явления как тождественные. Это предполагает, что явление рассматривается не изолированно, а в контексте определенной социальной системы и исторической эпохи.

На первый план при этом выступает функциональный анализ, позволяющий выяснить устойчивую связь, существующую между различными элементами изучаемой системы и ее структурой. Функциональный анализ идет гораздо глубже простой аналогии. Когда, например, советский археолог С. А. Семенов путем целого ряда экспериментов установил, каким образом употреблялись многие каменные орудия, это дало науке гораздо больше, нежели простая их типология на основе внешних признаков. Определение функций данного явления в социальной системе как целом — необходимый элемент исторического объяснения. Нельзя, например, понять существа той или иной политической доктрины, не выяснив ее функциональной идеологической роли: какой социальной группе выгодна данная доктрина, чьи интересы она выражает. С функциональным анализом историк сталкивается всюду, где речь идет о взаимодействии явлений и элементов в рамках некоего социального целого, будет ли то проблема соотношения внеэкономического принуждения и феодальной собственности на землю или вопрос о роли религиозных идей в ранних буржуазных революциях.

Однако и это объяснение является неполным, частичным. Функциональное объяснение показывает взаимосвязь определенного социального целого и его элементов, но из него невозможно вывести линию исторического развития с присущими ей зигзагами и случайностями. Функциональный анализ вскрывает взаимодействие явлений, но он оставляет в тени их динамические причинные связи. Но, как заметил В. И. Ленин в «Философских тетрадах», «только «взаимодействие» = простота»⁴⁸. Одностороннее увлечение функциональным объяснением легко вырождается в объективно-идеалистическую телеологию, истолковывающую социальные функции как нечто имманентное. Это наглядно видно на примере структурно-функциональной школы в современной буржуазной социологии⁴⁹.

Поскольку история предполагает воспроизведение процесса развития, естественно, что наиболее распространенным специфическим способом исторического объяснения является генетическое объяснение. Выяснить происхождение изучаемого явления или события, вскрыть причины, вызвавшие его появление, — вот что в первую очередь интересует историка. Процесс установления причинных связей данного индивидуального явления не может, естественно, свестись к указанию общих законов, которые всегда имеют место при совершении событий или явлений данного типа. Ссылка на закон неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма недостаточна для того, чтобы объяснить, почему первая мировая война разразилась именно в августе 1914 г. и почему соотношение сил враждовавших лагерей было таким, а не иным. Чтобы объяснить это, нужно воспроизвести всю совокупность предшествовавших событию условий, включить его в определенный целостный комплекс. Этот способ объяснения Риккерт назвал методом «включения», в противоположность методу «подчинения», подведения единичного факта под общий закон, характерному для теоретических наук. Кажущаяся простота этого метода не раз вводила в заблуждение как историков, так и философов, начиная с Риккерта и кончая Дрэмем. Поскольку на первый взгляд причинное объяснение в истории — это объяснение единичного события индивидуальным же комплексом условий, Риккерт, а вслед за ним многочисленные другие философы и историки утверждают, что это объяснение вообще обходится без теоретических предпосылок и научных законов, что здесь действует «индивидуальная причинность». Но это представление глубоко ошибочно. Прежде всего если абстрагироваться от необходимых, закономерных связей, цементирующих разрозненные исторические явления в определенные комплексы, то историк не может определить, какие именно предшествующие явления он должен привлечь для объяснения интересующего его процесса. Любое событие связано с огромным множеством других событий и явлений. Спрашивается, как выделить при этом главные, решающие причины из множества других условий, от которых зависели лишь побочные, второстепенные черты события? Теория «индивидуальной причинности» неизбежно приводит к скептицизму уже в силу того, что цель причинно-следственных связей уходит в бесконечность.

«Включение» данного события или явления в более общий, но столь же индивидуальный комплекс может быть достаточным для объяснения отдельного события или эпизода с четко очерченными границами. Но историческое исследование не ограничивается описанием отдельных эпизодов, оно стремится к воспроизведению самого процесса развития. Это гораздо более сложная задача, которая невыполнима без целого ряда теоретических предпосылок.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 38, стр. 152.

⁴⁹ См. И. С. Кон. К вопросу о предмете социологии. Краткий исторический очерк. Сборник «Вопросы марксистской социологии». Изд. ЛГУ. 1962.

Что значит воспроизвести историю объекта как системы?

Это значит, во-первых, что объект воспроизводится не в отдельных своих составляющих, а как целостная система, обладающая определенной структурой. Во-вторых, в историческом исследовании воспроизводится процесс, то есть вся совокупность исторических связей, существующих между расположенными последовательно во времени и внешне не связанными друг с другом составляющими объекта. В-третьих, воспроизводится не просто изменение объекта во времени, а процесс развития объекта, то есть процесс качественных изменений, изменений в структуре системы в целом. В-четвертых, воспроизводится закономерный процесс, поэтому историк должен раскрыть и воспроизвести не только ряд качественно различных исторических состояний объекта, но и сами законы перехода от одного исторического состояния к другому⁵⁰

Так, например, нельзя представить историю капитализма, изучая изолированно его производительные силы, технику, свойственные ему отношения собственности, классовую структуру общества и его идеологию. Хотя все эти явления обладают относительной самостоятельностью, они являются прежде всего элементами капитализма как социальной системы, и понять их можно только в их внутренней связи. Эта взаимосвязь исторического комплекса явлений отражается в понятии общественно-экономической формации.

Капитализм не только включает в себя множество различных элементов, но и предстает как ряд качественно различных исторических состояний. Государственно-монополистический капитализм существенно отличается от капитализма домонополистического, зрелый капитализм — от капитализма эпохи первоначального накопления. Задача историка состоит в том, чтобы воспроизвести эти исторические состояния не как отдельные, самостоятельные явления, а как специфические стадии развития капитализма, вырастающие одна из другой и генетически взаимосвязанные. Только в этом случае мы получим картину процесса, а не просто описание отдельных его моментов. Разница здесь та же, что между кинофильмом и серией фотографий. Кинофильм состоит из отдельных кадров, каждый из которых фиксирует отдельный момент, как и фотография; но он показывает и самый процесс, переход из одного состояния в другое, чего фотография отразить не может.

Далее. Капитализм, как и любое другое явление, непрерывно изменяется. Но эти изменения неравноценны. Одни из них носят количественный, другие — качественный характер. Историк, который видит только частности, вообще не замечает рождения нового. Именно так случилось с английскими буржуазными историками, которые, констатируя, что преемственность социально-экономического развития в Англии не прерывалась и что изменения в жизни людей проходили постепенно, отрицают на этом основании самый факт промышленной революции. Однако вопреки утверждениям современных буржуазных социологов и историков, пытающихся заменить понятие «исторического развития» и «прогресса» бессодержательным понятием «социального изменения», развитие и изменение не одно и то же. «Изменение» — это наиболее абстрактная, всеобщая категория, фиксирующая то общее, что присуще любому процессу: наличие различий в одном и том же объекте взятом в двух различных во времени точках. Напротив, развитие характеризует лишь закономерное, самопроизвольное и целостное изменение в состоянии системы, изменение во внутренней структуре объекта. Это не простое количественное изменение, а изменение качественное. Именно на этих качественных гранях покоится научная периодизация истории.

⁵⁰ См. Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования М 1961, стр. 18.

Но если развитие — закономерный процесс, историк не может воспроизвести его, не раскрыв сами законы, управляющие этим процессом и определяющие характер перехода от одного исторического состояния, от одного этапа к другому. История капитализма включает в себя и историю модификации его законов. Нельзя, например, объяснить переход от домонополистического капитализма к монополистическому, не раскрыв основных признаков и законов империализма, не показав роли хотя бы упоминавшегося выше закона неравномерности развития.

Коль скоро задачей историка является воспроизведение сложного закономерного процесса, ученый не может, как правильно замечает Б. А. Грушин, просто следовать за внешней, эмпирической историей объекта. Чтобы воспроизвести процесс развития любой системы, необходимо прежде всего уточнить: 1) что развивается, 2) во что развивается. А это, хочет или не хочет того историк, сознает он это или не сознает, предполагает какие-то теоретические предпосылки. Так история необходимо ведет к теории, а генетическое объяснение — к объяснению через закон или совокупность законов.

Буржуазные авторы, выступающие против идеи исторической закономерности, говорят, что объяснение единичного факта через закон оставляет открытым вопрос о реальности самого закона, используемого для такого объяснения. Если объяснять факт, ссылаясь на некий исторический закон, то при этом остается неясным, почему вообще в данных условиях действует этот закон или тенденция. Но эта трудность не является непреодолимой. Любой закон не только в истории, но и в естественных науках устанавливает, как протекает определенный процесс. Тем самым закон объясняет определенную совокупность фактов, в которых этот процесс присутствует. Но ни один закон не объясняет сам себя. Чтобы объяснить существование этого закона, нужно обратиться к другому, более общему закону. Так, закон неравномерности объясняет нам многие черты империализма, вытекающие из неравномерности его развития, но если мы хотим знать, почему в эпоху империализма эта неравномерность усилилась, нам придется обратиться к более общим процессам (учесть, например, что индустриализация на более высокой технической основе всегда протекает быстрее, и т. д.). Это нормальный процесс углубления научного познания, и его логическая природа принципиально одинакова во всех науках.

Таким образом, историческое объяснение имеет различные формы и роль теории в этих объяснениях тоже различна. Но эти объяснения неравноценны и применимы не ко всем объектам. Историческое объяснение будет удовлетворительным только в том случае, если его логическая форма будет соответствовать характеру и содержанию подлежащего объяснению процесса. Как объясняет историк, то или иное явление зависит и от характера его методологии, и от специфики предмета исследования, и от масштаба, в котором этот предмет рассматривается.

Сложность гносеологических и логических проблем исторической науки отражает сложность и противоречивость ее предмета, исторической реальности. С одной стороны, история есть закономерный, естественноисторический процесс. С другой стороны, К. Маркс писал об истории как о всемирно-исторической драме, в которой люди выступают одновременно и в качестве актеров и в качестве авторов. Теоретическая наука об обществе изучает первую сторону дела, абстрагируясь от случайностей и зигзагов, которые связаны с особенностями конкретных участников исторического процесса. Историк же имеет дело с обеими сторонами. Это делает его труд особенно сложным. В той мере, в какой он занят воспроизведением социально-экономических процессов и отношений, он оперирует в основном научно-теоретическими понятиями, и его логика мало чем отличается от логики социолога или экономиста. Но

когда в центре внимания историка оказывается событие, сложное переплетение лиц, страстей и переживаний, историческое познание становится родственным познанию художественному. Совершенно прав А. В. Гулыга, когда он пишет, что «историческое обобщение представляет собой своеобразный синтез теоретического и художественного освоения мира»⁵¹. Речь идет, разумеется, не о превращении исторического исследования в исторический роман и не об отказе от принципа научной объективности, как это пропагандируют защитники буржуазной теории истории как искусства. Суть дела в том, что свойственный теоретическому познанию процесс расчленения объекта и раскрытия его сущности в виде ряда абстракций дополняется в истории характерным для искусства чувственно-конкретным синтезом, в котором общее, типическое выступает не отвлеченно, а в своей индивидуально-чувственной оболочке. Какой способ познания преобладает в исторических исследованиях? На этот вопрос нельзя дать общий ответ. До появления марксизма и возникновения современной социально-экономической истории в буржуазной историографии безраздельно господствовал идиографический метод, не видевший в истории ничего, кроме столкновения человеческих страстей и мнений. Такой подход к истории делает ее совершенно ненаучной. Простой интуиции и психологических сведений, заимствованных из обыденного сознания, может быть достаточно для воспроизведения личной драмы отдельного человека, но их, безусловно, недостаточно для раскрытия исторической драмы, участниками которой являются не только индивиды, но и целые народы и классы (не говоря уже о раскрытии закономерности исторического процесса). Но вместе с тем историю невозможно свести к изучению одних только безличных социальных структур и массовых явлений.

Уровень научной абстракции в историческом исследовании определяется, с одной стороны, предметом исследования, а с другой — масштабами исследования. Наибольшая степень теоретического обобщения материала достигается, как правило, в области экономической истории. Исследователь истории экономических отношений имеет дело не с отдельными событиями, а с определенной совокупностью общественных отношений и массовых процессов. Здесь, как и в теоретическом исследовании, «дело идет о лицах лишь постольку, госкольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов». С этой точки зрения отдельное лицо нельзя «считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно»⁵².

Гораздо сложнее обстоит дело в сфере политической истории или истории культуры. Ф. Энгельс писал: «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, тем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет»⁵³.

Это накладывает свой отпечаток и на логику исторической науки. Разумеется, и в политической истории внимание ученого сосредоточено на ведущих тенденциях, на движении больших масс и классов, а отдельные, единичные события рассматриваются лишь как проявление этих тенденций. Но обойти специфические черты этих событий, не раскрыть

⁵¹ «Вопросы философии», 1962, № 9, стр. 37.

⁵² К. Маркс. Капитал. Т. I. М. 1955, стр. 8.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 471.

особенности людей, возглавлявших движение на данном этапе, — значило бы схематизировать историю.

Рассматривая проблему абстракции в исторической науке и то, в какой степени историческая наука способна делать теоретические обобщения, нельзя забывать и о масштабах исследования. Одно дело — книга, охватывающая всемирную историю или историю целой формации, другое дело — исследование одного какого-то события, биографии и т. п. Каждая история раскрывает какие-то закономерности, но масштаб их различен. Работа по всеобщей истории не может не давать обобщений общесоциологического порядка (о закономерностях исторического процесса в целом, о специфике отдельных формаций и т. п.), которые нельзя ждать от специального исследования, посвященного частной проблеме.

История распада отдельной крестьянской семьи раскрывает определенную социальную закономерность, и ее можно и должно использовать в изложении. Но она лишь поясняет вывод, к которому ученый пришел аналитическим путем. Почему берется именно этот случай, а не другой, говорящий о сохранении патриархальных нравов? Потому, что историк считает типичным именно первый случай. А почему он так считает? Потому, что это вытекает из массовых статистических данных. И коль скоро историк хочет воспроизвести процесс разорения крестьянства, он может сделать это доказательно только с помощью статистических данных. Только безличный количественный анализ покажет степень распространенности и типичности процесса, который, будучи рассмотрен с его субъективной стороны, предстает как человеческая трагедия. Характер проблемы предрешает способы ее решения и обоснования вывода.

Другое дело — история культуры, литературы, искусства. Как в социально-экономической истории правомерно использование детали, так в истории человеческого духа правомерно применение статистических и иных методов массового наблюдения. Статистика распространения грамотности, установление функциональных корреляций между социальной структурой и характером господствующих идей не отличаются принципиально от аналогичных методов, применяемых в исследовании социально-экономических отношений.

Разумеется, между социально-экономической историей, понимаемой как история массовых процессов и безличных общественных отношений, и историей культуры, понимаемой как самосознание человеческого рода, нет китайской стены. Любое историческое явление может быть рассмотрено и как процесс и как драма, с вытекающими отсюда различиями в методологии исследования и логике объяснения. Мы хотим выделить лишь два крайних полюса, на которые ориентируется историческое мышление. Но проблема эта существенна, и она требует серьезного специального изучения.

«Эстетика истории», к созданию которой призывает А. В. Гулыга⁵⁴, может быть, и не нужна; разве что придется придать этому слову какой-то совершенно особый смысл. Но что действительно необходимо — это всесторонняя разработка теории исторического познания. Как пишется история? Каковы конкретные особенности формирования исторических понятий и исторического объяснения? Каково соотношение истории и теории вообще и в рамках специального исследования в частности? Как видоизменяются формы и способы исторического объяснения в зависимости от предмета исследования? Все эти и многие другие вопросы представляют сегодня живейший практический интерес.

⁵⁴ «Вопросы философии», 1962, № 9, стр. 38